

Николай МУЗАЛЕВ
ПОРТРЕТ
рода Кононенко
на фоне с. Петропавловки

Многие тысячи километров отделяют Полтавскую область Украины от нашей Новосибирской области. Если пользоваться современными видами транспорта, то, вроде бы, и недалеко.

По железной дороге или на автомобиле это расстояние можно преодолеть за несколько суток, а самолетом - и того быстрее, за несколько часов. Но это сегодня. А мой рассказ берет свое начало в конце XIX века, когда этих благ цивилизации и в помине не было.

Тогда решившимся на столь длительное путешествие нужно было истоптать не одну пару обуви, изломать на трудных дорогах не один десяток тележных колес, порою и самому впрягаться в повозку, помогая исхудавшим и обессиленным лошадям. Гужевой транспорт был тогда основным средством передвижения.

Что же заставляло людей совершать казалось бы неосуществимые путешествия, месяцами имея в своем распоряжении лишь телегу с небогатым скарбом да синее небо над головой вместо родного крова? Нужда, голод, недостаток пахотной земли, которая давала основные средства для выживания - вот эти причины и побуждали бедных мужиков в южных районах России и Украины искать лучшую долю в других краях.

А краями этими были беспредельные сибирские просторы, в которых, по слухам, земли было не меряно, и была она щедрой

на отдачу, плодородной, черноземной, ждущей трудолюбивого хозяина. Да и помещичьего гнета по слухам не было в далекой Сибири.

Собрав по грошику небольшую сумму денег, снаряжали украинские мужики ходоков-разведчиков новых земель. Не один год мерили они лаптями безграничные пространства, многие бесследно исчезали в своих скитаниях, а те же, кто благополучно возвращался в родные края, рассказывали о щедрой сибирской земле на деревенских сходах тем, кто посылал их на разведку.

Ни день и не два проходили в разговорах о переселении. Не просто было рвать установившиеся веками традиции. Как можно было расстаться с родными краями, где все тебе знакомо, где на деревенском кладбище ютились бугорки могилочек далеких предков. Да и уголок пусть бедняцкой, но такой дорогой сердцу избушки давал хоть какую-то видимость хозяйства.

Нелегко, ох, как нелегко было решиться на переселение, и не каждый отваживался на такое. Что их ждало там, на чужбине? Молочные реки да кисельные берега? А может быть, опять та же кабала, та же бедность? Кто мог ответить на такие вопросы. Никто. А поэтому выходило: думай мужик сам, решайся!

На сто рядов обсуждали мужики свое будущее. И самые отчаянные, молодые да здоровые решали: едем! Сбивались они в артели, по большей части жители одного села или знакомые да кумовья близлежащих сел, и отправлялись в далекий путь, веря в свою лучшую долю.

Не всем удавалось преодолеть невзгоды долгого тяжелого пути. Беды подстерегали отважных людей на всем пути следования. Не выдерживали лошади, болезни губили людей. Да и лихие мужички-разбойнички нередко грабили, обижали, а порой просто-напросто и убивали беззащитных переселенцев. Правда и те могли постоять за себя.

Мне запомнилась история, которую я слышал в детстве в своем селе Мохнатый Лог. Через наше село, кстати сказать, тоже обязанное своим рождением переселенцам, проходил путь в еще более дальние земли Кузнецкие и предгорья Алтая. Жили в селе два мужика, которые не прочь были пожить на дармовщину.

Выследив как-то ходока, расположившегося на отдых на окраине села, они поздним вечером непрошенными гостями пожаловали к нему на огонек. Тот варил немудреную похлебку, в котелке побулькивал кипяток для чая.

Пригласил он нежданных гостей к костру, но у них на уме было другое. Один из разбойников достал из кармана нож и, угрожая незащитному ходоку, привлек к себе его котомку.

Тот оказался не робкого десятка, да и сила в широких плечах виделась немалая. Молча наблюдал он за действиями негодяя, а когда грабитель увлекся содержимым котомки, быстро ухватил его за шиворот, прижал к земле и, не мешкая, плеснул на горячую голову не менее горячего кипятка.

Нож и котомка тотчас выпали из рук незадачливого разбойника, а округа огласилась жутким воплем. Напарник грабителя, видя, что случилось и, слыша оглушительные вопли, вмиг исчез в темноте, только лапти засверкали.

Похожие истории случались и с обозами. Но в компании отбиваться от злодеев было куда легче. Много таких обозов странствовало по бескрайним сибирским просторам. Но не везде земли были пригодными для хозяйствования. Тут, как в пословице: «Не все то золото, что блестит». И поскрипывали тележные колеса от одного горизонта до другого.

Один из таких обозов, следовавший из Гадячьского уезда Полтавской губернии подъехал как-то к небольшой тихой речушке. От местных казахов-скотоводов переселенцы узнали, что речушка зовется Карасук, что в переводе с казахского означает «Черная вода».

Название для речки со светлой водой показалось довольно необычным. Остановились переселенцы передохнуть, напоить

лошадей, да и самим подкрепится. А когда присмотрелись, приглянулись им земли, что лежали на многие километры по берегам реки. Черноземная, по всем приметам плодородная, перемежалась она березовыми да осиновыми колками.

Было ли здесь жилье до их появления или не было, это скрыто от нас вековой тайной. Может быть, обитали в этих местах кочевники-казахи или староверы раскольники, а может, никого и не было.

Документальные подтверждения родившегося здесь поселения указывают на 1891 год - год рождения с. Петропавловки. И одними из основателей села были наши герои - украинские переселенцы. Точно утверждать я не берусь, но предполагаю и верю, что было именно так. Отдохнув после долгой дороги, принялись они за благоустройство быта.

Зазвенела мелодичная украинская речь. Зазвенели песни далекой теперь Украины на берегах сибирской реки. Все чаще слышался задорный смех парубков да молодиц.

Словно грибы стали появляться пластяные хаты-избушки.

Кровлей служили те же пласты. Со временем, когда стали выращивать хлеб и появилась солома, крыши стали крыть соломой. И теплее кровля и легче. Аккуратно выбеленные в соломенной шапке-кровле, домики выглядели сказочными. При взгляде на них так и казалось, что вот сейчас выйдет на крылечко Солоха или кузнец Вакула вынесет черевички для своей возлюбленной.

Но сказка - сказкой, а быль куда как прозаичней. Земля такая желанная была, но прежде, чем она накормит семью, хозяину нужно было приложить немало труда, потом своим оросить ту землю. Веками не паханная заросла она бурьяном да кустарниками. Засучивай мужик рукава, привлекай к работе своих домочадцев, наводи порядок на своем участке.

В первую очередь, нужно было убрать весь этот чертополох, вспахать, заборонить, а затем засеять зерном Богом данную земельку. А засеяв, волновался, переживал хозяин. Ожидал с

большой надеждой, что отзовется щедростью земля на его заботы. А что дождется, одному Богу известно? Ведь ни опыта, ни навыков работы с сибирской землей не было. Надеялся на авось да на свою удачливую долю.

Но плодородная сибирская земля не обманула мужицкие надежды. За его титанический труд наградила она его щедрым урожаем. И ликовала душа крестьянина. Да и как иначе: ведь и семья, и скотина во дворе пропитанием обеспечены. Вознаградил, видно, Бог за труды тяжкие.

Прибыл с упомянутым выше обозом и крестьянин-полтовчанин Григорий Каноненко. Глава большой, состоявшей из 12 человек семьи, имел при себе небогатый скарб, работающие руки да надежду на хорошее будущее.

На первое время соорудил землянку, а уж потом построил деревянный дом на берегу реки Карасук. Благо леса было навалом: пили, раскорчевывай место для строительства и строй, как душа пожелает да финансовые возможности позволят.

Кстати, о деньгах и ценах тех лет. Корова стоила примерно 5 рублей, лошадь - 10-12. В общем, деньги и цены были не такие космические, как сейчас.

Основателем рода украинских сибиряков, наверное, нужно считать не Григория, а его сына Фому. Его привезли в Сибирь 12-летним пареньком. Здесь на вольных ветрах под добрым небом он вырос, возмужал, а когда вошел в года, привел в отцовский дом невесту - Ольгу Дурницкую, тоже из семьи переселенцев. И вот от них и пошли наследники - коренные сибирские украинцы. Детей в семье Фомы Григорьевича было много, но выросли пятеро: четыре сестры да брат Иван.

Первые годы семейной жизни провел Фома в семье родителей. Тогда это было в порядке вещей. С годами справили крепкое хозяйство. Добротный дом, хозяйственные постройки сооружали коллективно. Имели в хозяйстве несколько коров, лошадей, была своя земля. Как ни трудно было ее обрабатывать, хозяева

никогда не нанимали работников со стороны, обходились своими силами.

Были у них свои плуги, сеялка, молотилка, сноповязалка, - одним словом, было все необходимое для жизни. Получали неплохие урожаи зерна. Со временем пришел достаток, о котором мечталось. Излишки зерна отвозили на продажу на станцию Каргат. Далеко, конечно, да только бывалых людей эти расстояния не пугали.

Умерли родители, и стал Фома Григорьевич главой семейства. До коллективизации вели свое дело. А когда началась эта кампания, большую часть нажитого пришлось передать в колхоз. И самого его тоже определили колхозником. Не затерялся Фома Григорьевич в новой жизни. С юных лет мог мастерски владеть топором. Он его кормил и в колхозе.

Много чего построил Фома в Перопавловке: и дома, и хозяйственные постройки. Однако главным и любимым его делом было возведение ветряных мельниц. А он их не только строил, но и доводил до ума: устанавливал, регулировал и отклепывал жернова. В этом деле ему не было равных. Со всей округи приезжали к нему с просьбой запустить мельницу, и он никому не отказывал. Ехал, строил, настраивал. И выходила мука высшего качества. Да и по плотницкой части нередко приглашали его односельчане. И тут он не отказывал. Обговорив условия, расценки, принимался за работу.

Надо сказать, что Фома Григорьевич был мужик с характером: очень не любил, когда кто-то некомпетентный вступал в его работу. В таких случаях забирал он свой топор и, не требуя плату за уже сделанную работу, уходил со двора со словами: "Ты больше моего знаешь, вот и делай сам!" И переубедить его было невозможно. А вообще односельчане его уважали. О его необыкновенных способностях ходило много рассказов, похожих на легенду. Но это было в жизни, и люди до сих пор это помнят. Случай, о котором я хочу рассказать, произошел давно, когда Фоме Григорьевичу было уже лет 80. В те годы существовала

Мохнатологовская МТС. Как-то весной нужно было перегнать трактор ЧТЗ (огромная машина, весом в несколько тонн) из села Мохнатый Лог в село Петропавловку. Тракторист, экономя время, решил пренебречь мостом и поехать напрямую через реку Карасук. Лед не выдержал такой тяжести, и трактор скрылся под водой. Это сейчас воды в реке воробью по колено, а тогда Краснозерская ГЭС держала уровень воды гораздо выше.

Мужики попытались двумя такими же мощными тракторами выволить из беды "собрата", да только тросы порвали. Казалось, выхода не было, и как спасти технику, никто не знал. И тут на помощь пришел Фома Григорьевич Каноненко. Осмотрев место аварии, он попросил дать ему в помощники три человека, хоть женщин (?) да обрезок крепкого бревна.

Выкопали на берегу реки яму, вморозили добрый столб, на который Фома Григорьевич приспособил металлический цилиндр. Прорубили во льду майны, в которые затолкали деревянные слепы под гусеницы трактора. Отчаянные парни, окунаясь в ледяную воду, закрепили трос, концы которого мастер закрепил за цилиндр. И хотя помощников было хоть отбавляй, он дал команду своему бабьему войску: "Давайте, бабоньки, с Богом!"

"Бойцы" мало верили в успех, но взялись за рукояти ворота. И чудо произошло: трактор пополз и в конце концов оказался на суше. Быль это или легенда, судите сами, но свидетелями тому были все жители села. Таким вот на все руки докой и запомнился односельчанам их земляк Фома Григорьевич Каноненко. Давно уже покоится его прах на деревенском кладбище.

Продолжателями рода стали его дети. Но я хочу рассказать лишь об одной из ветвей семейного древа Каноненко, о той, которая пошла от Ивана, сына Фомы. Коренной сибиряк-украинец родился в 1925 году. Сейчас Иван Фомич - ветеран труда, ветеран Великой Отечественной войны. Всю жизнь, кроме военных лет, он прожил в родном селе Петропавловка. Работал,

как и отец, плотником в колхозе. А затем в ДСУ - ремонтировал дороги.

У Ивана Фомича и его жены Софьи Павловны родилось пятеро детей: два сына и три дочери. В Петропавловке они выросли, окончили школу, а потом судьба разбросала их по всему району. Сын Сергей Иванович живет в п. Октябрьский. Зарекомендовал себя хорошим шофером.

Другой сын Борис Иванович работал электросварщиком, принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Дочери Валентина Ивановна и Анна Ивановна обрели семьи в с. Мохнатый Лог, а Надежда Ивановна - в с. Зубково.

У каждого из детей Ивана Фомича есть свои дети, а у тех детей - свои. И выходит так, что живут сейчас на земле сын, внуки, правнуки и праправнуки Фомы Григорьевича. С Иваном Фомичем мы насчитали прямых наследников Фомы Григорьевича более 50 человек. Вот сколько ветвей в семейном древе рода Каноненко.

Сто двадцать лет существует село Петропавловка. Сколько разных событий, хороших и не очень повидало село. Много воды унесла река Карасук. Много чего повидало село: знало оно рождение, становление, а теперь вот и старение. Почти человеческая судьба. Несколько поколений сменилось за эти годы. Многие здесь родились, состарились и умерли. Случались порой удивительные истории. И вот еще одна из них.

Потомок украинских переселенцев, родившийся в селе Петропавловка, волею сложившихся обстоятельств вынужден был покинуть родные места без паспорта и без копейки денег. Звали его Иван Ефимович Кабыш. Как складывался его жизненный путь, неизвестно, но через много лет на родину пришли вести о нем. Хорошие вести. Стал он Заслуженным деятелем искусств Украины, член Союза художников. Вот как судьба распорядилась: его родители искали лучшей доли в Сибири, а его звезда ярко засияла на украинской земле.

Ивану Фомичу Каноненко тоже пришлось побывать на родине предков: с оружием в руках освобождать эту землю от фашистских захватчиков. Даже в родном селе деда Григория на берегу Днепра пришлось побывать солдату. Пытался он разыскать родственников, но не получилось. Однофамильцы встречались. Может просто родство призабылось, а скорее обстановка не очень благоприятствовала выяснению родственных связей.

Сейчас в селе Петропавловка живет один из большого рода Каноненко - Иван Фомич. Деревня развалилась, работы нет. Молодежь ищет лучшую долю в других краях, как когда-то их предки искали и нашли ее здесь, в селе Петропавловка на берегу маленькой сибирской речушки Карасук. Вот такие парадоксы истории.

С. Мохнатый Лог,
март 2011 г.